

УТИНАЯ ОХОТА ПО-СКАНДИНАВСКИ

Кук. Моммда - 1997. - 14.05.97. - e.s.

В минувшие выходные на сцене Молодежного театра бушевали холодные интеллектуальные страсти Национального театра Норвегии, который только на один год моложе МХАТа. Норвежцы по-своему укоротили пространство, расположив зрителей на авансцене, и показали нам своего Ибсена — «Дикую утку».

«Дикая утка» была написана на несколько лет раньше чеховской «Чайки», но с тем же сквозным образом — человеческой души, подстреленной жестоким (вольно или невольно) охотником. При ранении дикая утка ныряет на дно и там цепляется за водоросли, чтобы не всплыть и не попасться охотничьей собаке, словно не признает компромиссов с судьбой.

В одном бедном, но радостном доме фотографа из разоренного богатого рода живет слепнувшая и очень веселая девочка Хедвиг (Огот Сенстад), ее главное сокровище — искалеченная дикая утка, которую дотошная собака все-таки достала со дна и вернула к жизни. Утка живет в компромиссе, и девочка тоже — ее мать когда-то была любовницей человека, разорившего отца и деда Хедвиг, и потому не знает точно, чья дочь Хедвиг — своего отца Ялмара Экдала (Бьерк Хагестада) или старого коммерсанта Верле (Ян Хоштад), который, подобно охотнику, ранил ее семью, разорив ее, а потом силой достал со дна, выплачивая пособия. Кстати, он же и подарил Хедвиг ту самую дикую утку. А когда в семью приходит старинный друг Ялмара Грегарс Верле, фанатик идеи идеального брака без лжи и компромиссов, вносит ясность в вопрос происхождения Хедвиг и слабовольный отец отказывается от нее, Хедвиг хочет принести в жертву отцовской любви самое главное свое сокровище, но застреливается сама — ей удалось удержаться на дне и не всплыть на поверхность. Она связана с Ялмаром так, словно именно с ним ее соединяет душевная пуповина, которую так и не перерезали за 14 лет ее жизни. Но физически слепнет точно так же, как старик Верле.

Другой важной метафорой наряду с дикой уткой становится метафора слепоты, темноты, фотографии (ведь именно здесь нужно погрузиться в темноту, чтобы проявить то, на что когда-то упал луч света) и ретуши, которой так усердно занимается все семейство Экдалов, — еще одного компромисса с правдой жизни.

«Дикую утку» называют «самой жестокой семейной драмой с ранящим и ужасным финалом». На самом деле она может послужить как бы лакмусовой бумажкой для выявления менталитета. Тут заложены возможности и для мелодрамы со слезами зрителей в финале, и для психологического театра, и для психоанализа в духе Фрейда, исследующего столь страстную любовь отца и дочери. Все зависит от театральной традиции. Для норвежцев эта пьеса становится почти бесстрастной драмой идей: что важнее — остаться кристально чистым, пусть даже эта чистота обернется чьей-то гибелью, разлукой, разочарованием, или спуститься с горных высот собственных идеалов, испачкаться в болотной тине житейских компромиссов, но согреть хотя бы одного из ближних своим теплом.

Норвежский спектакль показал, что, наверное, все театры, чей возраст приближается к столетию, чувствуют себя примерно одинаково — пытаются переосмыслить то, что раньше выстрадали, понять точнее и трезвее то, чему когда-то соперничали, для чего возвращаются иногда на уже хоженные дороги.

Ольга ФУКС